

УДК 13
ББК 71.07

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10218

Философские лекции А. И. Галича в коллекции Ульяновской областной научной библиотеки

В. А. Гуркин

Ульяновский государственный технический университет, Ульяновск, Россия

На примере создания Симбирской Карамзинской общественной библиотеки прослежена личная преемственность просветительских идей между немецкой романтической философской школой и русской романтически-просветительской традицией. Петербургский философ А. И. Галич был учителем философии у А. М. Языкова в 1820-е годы и в значительной степени повлиял на его взгляды. В приложении представлен текст вступительной лекции Галича «Введение в философию», записанной А. М. Языковым.

Ключевые слова: *А. И. Галич, А. М. Языков, В. В. Розанов, Симбирская Карамзинская общественная библиотека.*

На вопрос о том, что такое просвещение, Иммануил Кант дал ответ, что это выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Далее он добавляет: «Ведь так удобно быть несовершеннолетним! Если у меня есть книга, мыслящая за меня... то мне нечего и утруждать себя» [1, с. 25]. Эти слова были сказаны в 1784 году, когда в России еще и не существовало общественных библиотек. В этом отношении прежде чем отказаться от книги, чтобы попытаться думать самостоятельно, надо было сначала создать пространство где все желающие могли бы знакомиться с книгами. В Симбирске публичная библиотека появилась благодаря усилиям нескольких симбирских дворян, и в первую очередь — братьев Языковых, как памятник знаменитому земляку — Николаю Михайловичу Карамзину историку, как возможность осуществлять те просветительские идеи, освещавшие все творчество.

Мы мало знаем о духовной жизни провинциального Симбирска в начале XIX века, но русская литература того времени достаточно ярко характеризует эту жизнь. Здесь можно вспомнить эпатажное высказывание молодого Николая Языкова — «Симбирск — это болото человеческих глупостей» [4, с. 408] или слова мужа его сестры, морского офицера А. Д. Валуева — «Если бы я должен был вечно жить в Симбирске, то скорее согласился бы быть лошадей, чем симбирским дворянином» [4, с. 408]. При такой ситуации становится ясно, почему средний из братьев — Александр Языков так радовался первым читателям библиотеки: «Читают уже двадцать человек дома с залогами и сорок постоянно в комнате библиотеки. Петр Михайлович пишет, что чрезвычайно умилительно и отрадно видеть в Симбирске сорок

человек, сидящих вместе и читающих! — У нас можно сидеть вместе ежедневно и более сорока человек, но за картами. Дворянство же Карамзинской Библиотекой не пользуется, оно удерживает за собой карты, а книги уступает низшим классам народа — черта истинно аристократическая и современная!» [2, письмо от 05. 05.1848].

16.06.1846 Языков пишет: «Весть о библиотеке меня порадовала; авось и в Симбирске станут читать и просвещаться; право жаль смотреть на дикий застой, который у нас царствует. Заведение это мы поддержим, станем руководить и помогать... В нашем Богом спасаемом граде учреждена еще библиотека при клубе; тут получают много Журналов и почувствовали необходимость в книгах» [2].

Все бремя организационных вопросах взяли на себя Языковы: «Брат П(етр) М(ихайлович) все занимается учреждением Карамзинской библиотеки и почти все подготовил к открытию; теперь идет составление каталогов и прочее. Начальство и дворянство помогает плохо; все надобно делать насильно и с большим трудом. Заведение, которое в образованном государстве встретило бы общее и радужное участие всех, здесь не вживается и может держаться только неотвязчивою силой двух-трех беспокойных просветителей...» [2, письмо от 3.09.1847].

В истории публичной библиотеки в Симбирске есть любопытное обстоятельство, в котором прослеживается преемственность между идеями западноевропейского просвещения с жизнью сонного Симбирска через произведения тех русских профессоров, какие учились в Германии в начале XIX века. Одним из этих профессоров был Александр Галич, любимец учеников Царскосельского лицея (в том числе и молодого Пушкина).

Александр Языков учился в Горном кадетского корпусе в Петербурге и слушал философские лекции Галича у него на дому. И хотя Александр Языков не стал философом в профессиональном отношении, однако смог воспринять и передать любовь к философии и своему брату поэту Николаю и своей младшей сестре Екатерине, ставшей впоследствии женой славянофила Алексея Хомякова и хозяйкой знаменитого литературного салона в Москве. Более того, Александр воплотил просветительские идеи в создании Симбирской Карамзинской общественной библиотеки. Как далекое свидетельство этого периода юношеского знакомства с философией в отделе рукописей Ульяновской областной научной библиотеки сохранились пять курсов лекций, записанные Языковым у Галича.

Карамзинская общественная библиотека послужила связующим звеном в цепи личной преемственности просветительских идей между немецкой романтической философской школой, которую прошел Галич в Гельмштадте и в Геттингене — русской романтически-просветительской традицией, к которой относились братья Языковы, но не только. Спустя два десятилетия, в Симбирске учится будущий известный литератор и философ В. В. Розанов. Именно благодаря тому, что в это время там уже была прекрасная общественная библиотека, он смог уже в зрелые годы назвать Симбирск своей духовной родиной. В частности, он так охарактеризовал значение библиотеки в своей жизни: «Да будет благословенна Карамзинская библиотека! Без нее я думаю, невозможно было бы осуществление этого «воскресения», даже если бы мы рвались к нему... «величественные и благородные люди города» установили прекрасное и местно-патриотическое правило, по которому каждый мог брать книги для чтения домой совершенно бесплатно, внося только 5 руб залога... Когда я узнал ... что книги выдаются совершенно даром, даже мне, такому неважному гимназисту, то я точно с ума сошел от восторга и удивления!.. «Так придумано и сколько доброты». Довольно эта простая вещь, простая филантропическая организация поразила меня великодушием и «хитростью изобретения»... это отделялось всего несколькими месяцами от времени, когда я уже читал Бокля и конспектировал «Физиологические письма» К. Фохта» [3].

Как видно, эта просветительская преемственность оказалась намного более эффективной, чем связь идей во многих официальных учреждениях. Не случайно, оценивая достопримечательности Поволжья, В. В. Розанов писал: «В самом деле, Казанский университет, Карамзинская библиоте-

ка в Симбирске и Радищевский музей в Саратове суть выдающиеся точки культуры на Волге» [3].

Такое положение дел происходило и во всех остальных организациях культуры и образования, когда социальные инструменты, предназначенные для распространения просвещения, оказывались по большей части не задействованными. И лишь там, где дело держалось на нескольких энтузиастах, то и могло произойти что-нибудь хорошее. Видимо, эта особенность отечественной культуры должна быть принята как одна из характерных и здесь мы вынуждены согласиться с уже цитированным горьким выводом Языкова в связи с теми трудностями, которые им пришлось преодолевать при открытии Карамзинской общественной библиотеки: «Заведение, которое в образованном государстве встретило бы общее и радушное участие всех, здесь не вживается и может держаться только неотвзвизчивою силой двух-трех беспокойных просветителей...».

Приложение (из лекций А. И. Галича) [4]. Введение в философию

§ 1. Всякое занятие человека искусствами и науками основывается на известных расположениях и потребностях физической или духовной его природой, делающих подобные занятия необходимыми.

Исследовав расположения и потребности, на каких основывается наука, получаем определенное понятие о цели и средствах всей науки: итак, чтобы найти цель чудесной по многим отношениям науки философии, надобно взойти к началу тех подробностей духа человеческого, из коих истекает всякое любознательство и кои причины исследуемы философией.

§ 2. Всякое любознательство рождает в духе человеческого неудовлетворенность теми познаниями о мире, какие доставляют ему опыт и чувственные наблюдения: ибо если бы подобные познания удовлетворяли его, то он и оставался бы при одном рассматривании позорища света, т. к. опыт являет оное и не размышлял бы ни о чем далее; но побуждаемый разумом желает он истолковать себе начало цель и исход вещей в мире, поставляя сие средством к просвещению всего рода — философское умозрение.

Итак, справедливо можно сказать: загадочные вещи, усматриваемые в бытии, устройстве и назначении мира, подают повод к любознательности, которое всегда имеет целью разрешить и пояснить оные задачи; или, другими словами: философ, недовольствуемый чувственным рассматриванием мира, творит себе лучшее совершеннейшее об оном познание.

§ 3. Загадочные явления в мире, с одной стороны, и способ, каким философ решает оные, с другой стороны, составляют вместе дух его философии.

§ 4. Великие загадки в жизни мира разрешаемы были духом человеческим разными — и потому ложными способами: ибо единая Вселенная, едино и истинное об той познание; и истинная философия должна быть объективно истинною. Для сего определим признаки, входящий в понятие философии.

§ 5. Хотя предмет сей науки широк и до сих пор остается спорным, однако как философия производится самостоятельностью разума и при том по известным видам, то разум и может показать в полной мере то, что он преднамеревает в своем стремлении, или может дать определенное понятие о науке, хоть бы не имея даже подлинного познания о предмете оной.

§ 6. Философия есть наука и потому требует чтоб принятие чего-либо за истину сопровождалось внутренним принуждением или было непреложно, и чтобы разные части познания состояли между собой в законной связи. Первый характер исключает в ней всякую вероятность или правдоподобие, второй — сообщает ей систематическое единство.

§ 7. Но к природе души нашей принадлежит также и побуждение отыскивать всему условно существующему безусловную причину, т. е. такую, в рассуждении коей неможно и ненужно спрашивать ни о чем другом. Сие то особенное стремление разума человеческого доходит не до ближайшей причины ближайшего явления, но до последней основы всего данного, стремления, которое одно удовлетворяет настоятельную потребность духовной нашей природы и чуждо человеку на всяком другом пути познания, — отличает и самую философию, как науку о безусловных началах всякого конечного, зависимого бытия.

§ 8. Данный характеристический признак философии, заимствованный из существа самой вещи, был всегда и всеми любомудрами подразумеваем. Разногласие происходит частью от того, что в определение науки всяк из них вносил и свое безусловное, которым мнил истолковать великую загадку мира. К философии принадлежат суждения двоякого рода: а) об условном и его качествах и б) безусловном: первые общи ей с другими науками и составляют ее материи; вторые — свойственны ей исключительно и составляют ее отличительную форму.

§ 9. Четыре безусловно великие идеи, истины, изящества, правоты и благости, называемые четверою, отношение человека к самому себе,

частью к предметам внешним, необходимо разделяют и саму философию на четыре главные отрасли: Метафизику, Эстетику, Правоведение и Нравовучение.

Науки, каковы Психология и Логика, не касающиеся безусловных начал тех законов, под коим состоит деятельность душевных сил, не принадлежат к философским, хотя и составляют необходимое приготовление к оным.

§ 10. История философии искони была историей бесконечных прений и разногласий, причины коих должны заключаться в существе человеческого духа, вообще предназначенного к развитию многосторонней и разнообразной. Хотя один и тот же мир действует на дух человеческий, возбуждая его к размышлению, но он не во всех людях изображается одинаково, здесь много зависит также от естественной способности, равно как и образования оной, по сему весьма естественно, если:

- а) устройство в мире объемлется философами в совершеннейшем или недостаточнейшем виде, и если:
- б) одно и то же загадочное явление для одних важнее нежели для других

Еще же более разность производит способность любомудров составлять и порождать в себе идеалы, т. е. образцы совершенства, превышающего все, что усматривается на опыте. Разрешение загадки мира не дается из вне, а совершается внутренним актом творящей силы, которая состоит в связи с неограниченной в своих действиях фантазией. Истина основывается на доверии к изречениям внутреннего сознания, — сие же сознание объемлет в себе сведения и чувствования или ощущения, следовательно, смотря по тому, сильнее ли действуют в философе понятия и общие начала познавательной способности, или же движение способности чувствующей, смотря по тому и служат для философа либо оныя понятия и общие начала, либо же сии движения сердца, источником мудрости и нередкою истины.

§ 11. Поскольку философия есть произведение самодеятельности духа, которое определяется особенным свойством каждого, то и не может быть изучено, а предполагает известный талант — философский ум, которому принадлежит: частью правильное и многообразное наблюдение света, частью же способность составлять идеалы, воскреляющие над всем обыкновенным; в прочем как любомудрствование должно совершаться по известному методу или известным правилам, то наставления по этому предмету и возможны, и нужны.

§ 12. Вопрос: к чему пригодна философия? Значит, другими словами, к чему пригоден для

человека разум? Ибо любомудрствование о мире и об отношении нашем к нему есть собственная жизнь и деятельность разума; которым человек отличается от животных.

Философия занимается высочайшими предметами для духа человеческого, и коль скоро сей дух достиг известной степени образования и получил вкус к занятиям важным, то знает, какой интерес имеет для него идеи о существовании совершеннейшем, о премудром соглашении вещей в мире, о назначении человека, о несомненном знании и т. п. Вообще, она не служит удовлетворению суетного любопытства, но в надлежащем применении может иметь благодетельное влияние не только во все науки, но и во все дела, касающиеся назначения человеческого: ибо как человеку во всем суждено поступать от худшего к лучшему, то философия отменно способствует такому возвышению духа над всем заоблачным ежедневным, — воздвигая идеалы и побуждая к совершенству, которого хоть нельзя достигнуть в полной мере, но к которому приближаться значит уже много.

§ 13. Впрочем, сии выгоды философия доставляет только тогда, когда не употребляют ее на служение другим наукам, ибо в сем случае отторгают ее от корня, т. е. разума, и обращают на прикрасу учений, не состоящих ни в какой связи с потребностями человечества. Философия имеет собственную свою цель и преуспевает лишь тогда, когда свободные размышления одушевляются чистою и постоянною любовью к истине.

§ 14. Правда, под предлогом философского просвещения, часто проповедуемы были неверие и злочество, осмеиваема святыня, нарушаемо общественное спокойствие и пр.; но считать философию ради всех причин вредною для веры, добродетели, гражданского благосостояния, значит, смешивать истинную мудрость с ложною; и заблуждение может ослеплять дух человеческий, но не всегда, — пусть дух сей обнаруживает свои мысли и чувствования вольно, без всяких предписаний — и он сам собою, внутренней силою, одолеет все то, что не происходит от разума и истины; где же он подавлен, там заблуждения неизбежны и вечны.

Список литературы

1. Кант, И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // И. Кант. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 6. М., 1966.
2. Переписка А. М. Языкова и В. Д. Комовского // Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 348. Оп. 2, № 1.
3. Розанов, В. В. Русский Нил // В. В. Розанов. Собрание сочинений. Около народной души (Статьи 1906—1908 гг.). М. : Республика, 2003. URL: http://az.lib.ru/r/rozanow_w_w/text_1907_russky_nil.shtml.
4. Рукопись № 54 // Отдел редких книг и рукописей Ульяновской областной научной библиотеки.
5. Языковский архив. Вып. I. Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829) / под ред. и с объяснит. примеч. Е. В. Петухова. СПб., 1913.

Сведения об авторе

Гуркин Владимир Александрович — доктор культурологии, профессор кафедры истории и культуры Ульяновского государственного технического университета, Ульяновск, Россия. vgrk@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. No. 2 (448).
Philosophy Sciences. Iss. 59. Pp. 127—131.*

Philosophical lectures by A. I. Galich in the collection of the Ulyanovsk Regional Scientific Library

V.A. Gurkin

Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk, Russia. vgrk@mail.ru

On the example of the creation of the Simbirsk Karamzin public library, the personal continuity of educational ideas between the German romantic philosophical school and the Russian romantic-educational tradition is traced. Petersburg philosopher A.I. Galich was a teacher of philosophy under A.M. Yazykov in the 1820s and to a large extent influenced his views. The appendix contains the text of Galich's introductory lecture «Introduction to Philosophy», written by A.M. Yazykov.

Keywords: *A.I. Galich, A.M. Yazykov, V.V. Rozanov, Simbirsk Karamzin Public Library.*

References

1. Kant I. Otvet na vopros: chto takoe Prosveshchenie? [Answering the Question: What Is Enlightenment?]. *I. Kant. Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 6* [I. Kant. Collected works: in 6 vols. Vol. 6]. Moscow, 1966. (In Russ.).
2. Perepiska A. M. Yazykova i V. D. Komovskogo [Correspondence of A.M. Yazykov and V.D. Komovsky]. *Rukopisnyi otdel Instituta russkoi literatury (Pushkinskii Dom) RAN* [Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) RAS]. F. 348. Op. 2, no. 1. (In Russ.).
3. Rozanov V.V. *Russkii Nil* [Russian Nile]. V. V. Rozanov. *Sobranie sochinenii. Okolo narodnoi dushi (Stat'i 1906—1908 gg.)* [V.V. Rozanov. Collected works. About the soul of the people (Articles 1906—1908)]. Moscow, Republic, 2003. Available at: http://az.lib.ru/r/rozanow_w_w/text_1907_rusky_nil.shtml (In Russ.).
4. Rukopis' № 54 [Manuscript No. 54]. *Otdel redkikh knig i rukopisei Ul'yanovskoi oblastnoi nauchnoi biblioteki* [Department of Rare Books and Manuscripts of the Ulyanovsk Regional Scientific Library]. (In Russ.).
5. *Yazykovskii arkhiv. Vyp. I. Pis'ma N. M. Yazykova k rodnym za derptskii period ego zhizni (1822—1829)* [Archive of N.M. Yazykov. Vol. I. Letters from N.M. Yazykov to his relatives during the Dorpat period of his life (1822—1829)]. St. Petersburg, 1913. (In Russ.).